

Aleksandriva Yu. N. Stylistic originality of letters in the historical novel: based on the novel by Vs. Solovyov «Sergey Gorbатов»

Abstract. The article considers the stylistic originality of letters in a historical novel. The author's style is based on two style principles: free and imitating (V. V. Vinogradov). Free style is more characteristic of the Russian historical novel. Letters of characters in this style reflect the image of the era, and also convey the speech characteristics of the character of this era. As an example, the article provides an analysis of two letters from the novel by Vs. Solovyov «Sergei Gorbатов».

Keywords: letter, style, historical novel, image of the era, author's speech, character's speech.

А. С. Сторожакова

(научн. руководитель А. Х. Гольденберг)

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия*

Роль эпистолярного жанра в «Отравленном острове» А. С. Грина

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей эпистолярного жанра на материале рассказа А. С. Грина «Отравленный остров». Повествовательная форма произведения основана на письмах-свидетельствах произошедшего на острове. Обращение к определенному жанру обусловлено желанием автора рассказать о самых ярких переживаниях героев, глубже раскрыть их характеры, а также охарактеризовать авторскую позицию, переводя ее в подтекст. Научная новизна выражается в характеристике функций эпистолярного жанра и композиционной роли писем как ядре формирования сюжета произведения А. С. Грина.

Ключевые слова: А. С. Грин, «Отравленный остров», эпистолярный жанр, письма, литература.

Эпистолярный жанр занимает значимое место в истории мировой художественной литературы. Своим появлением он обязан античному литературному творчеству. Само слово «эпистолярный» происходит от греч. Epistole ‘письмо, послание’. Следовательно, основой данного жанра является переписка, а структурной особенностью – наличие адресанта и адресата. Периодом расцвета эпистолярного жанра принято считать XVIII и XIX вв., когда появились многочисленные повести, романы, поэмы, философские, публицистические и эстетические трактаты в письмах. Однако и в XX в. он не потерял своей актуальности, продолжая как форма повествования выполнять одну из своих главных литературных функций.

Примером произведения, повествовательная форма которого основана на письмах, может служить рассказ А. С. Грина «Отравленный остров» (1916). Это история о капитане Тарте, попавшем в бурю на остров Фарфонт, где в живых остались только мальчик и девочка лет шести-семи. Спасши детей, он принимается за расследование, в ходе которого выясняет, что все взрослые на острове покончили жизнь самоубийством, узнав за несколько месяцев до этого от Брамса, капитана другого корабля, зашедшего на остров, о Первой мировой войне и тех ужасах, которые она несет человечеству.

Ключевое место в рассказе занимают два письма, отличающиеся по форме, цели, мотивам и признакам: письмо жителей Фарфонта и письмо капитана Брамса. Эти тексты легли в основу нашего исследования.

Письмо жителей Фарфонта – одна из самых содержательных частей рассказа. Письмо, написанное на пожелтевшем от старости заглавном листе Библии, капитану Тарту

отдает девочка Ливия, которой, в свою очередь, передал его на хранение до прибытия «человека с золотыми пуговицами» лишившийся рассудка дедушка Скоррей, последний из оставшихся в живых взрослых обитателей острова. Версия об одержимости жителей какими-то фобиями будет опровергнута далее в самом рассказе: «Текст письма, написанного вполне здраво, указывает не на сумасшествие или „одержимость демонами“, а лишь на следствие неких причин, покуда еще не выясненных». Однако для анализа особенностей эпистолярного жанра важнее следующие строки: «Составители письма, видимо, сильно сомневались в возможности его оглашения, иначе, быть может, мы имели бы дело с пространным, исчерпывающим положение документом. Краткость письма указывает также на поспешность, с какой эти несчастные торопились умертвить себя» [Грин 1980: 368]. Подобный комментарий повествователя вызывает ряд недоуменных вопросов. В самом письме сказано о том, что Скоррей должен передать это письмо какому-нибудь кораблю или пароходу. Следовательно, адресат есть: сначала – Скоррей, а потом – капитан корабля, – из чего можно сделать вывод, что оглашение письма подразумевалось. Второй спорный момент – это поспешность как причина краткости. С одной стороны, можно согласиться с подобным тезисом, однако, с другой – более вероятная причина заключается в количестве подписавшихся в конце письма адресантов (двадцать четыре). Столько людей попросту не договорилось бы о едином тексте более пространного письма.

Стоит заметить, что письмо является также предсмертной запиской. Читатель письма уже не сможет поговорить с людьми, написавшими его. Таким образом, письмо трансформируется из диалога в монолог, поскольку ответа никогда не последует. Сам текст соблюдает все традиции предсмертной записки: зачин («Мы все, жители Фарфонта»), основной материал, завещание-просьбу («Скоррей не имеет права лишить себя жизни, пока не окажется возможным отправить оставленных живыми, за малолетством, детей: Филиппа и Ливию» [Грин 1980: 364-365]) и подписи адресантов. Подобная форма накладывает особый отпечаток на эпистолярный жанр, в частности, и на художественную литературу, в целом. Интересно, что не только форма письма делает общение во времени неопределенным, но и тот факт, что его авторы не знают, когда и кто прочитает это самое письмо. Отправители лишь надеются, что рано или поздно кто-то его получит.

Письмо написано в строгом официально-деловом стиле, что выглядит несколько абсурдно, учитывая тот факт, что жители Фарфонта – это родовая община, ничего не знающая о внешнем мире. Канцеляризмы «заявляем и свидетельствуем», «по доброй воле и взаимному соглашению», «поручено сохранить», «не имеет права», «пока не окажется возможным» [Грин 1980: 365] придают письму характер настоящего документа. Лексические и фразеологические штампы ограничивают информационные возможности письма, так и не раскрывающего побудительные причины решения островитян добровольно отравиться.

Во многих аспектах письму жителей Фарфонта противопоставляется *Письмо капитана Брамса*. Оно представляет собой уже развернутое письмо-свидетельство о жизни островитян, христиан и европейцев по происхождению, их нравах, обычаях, отношениях внутри общины, основанных на гармонии с природой («истинный рай»), что в определенной мере помогает понять причины того, что случилось. Капитан отправляет его из Бомбея, узнав, благодаря публикации в газете «Наблюдатель», о широкой огласке массового самоубийства, произошедшего на острове Фарфонт, который он посетил с командой ранее, в апреле того же года.

Первое, чем оно отличается, – это количеством адресантов (один капитан Брамс) и наличием конкретного адресата. Стоит заметить, что «деловые письма обладают правовой значимостью, т.е. являются документами, правда, менее регламентированными сравнительно с другими жанрами официально-делового стиля» [Протопопова 2003: 628]. Письмо капитана Брамса засвидетельствовано нотариусом и имеет силу в суде по разбираемому делу. По этим признакам его можно отнести к деловым письмам. Однако в письме Брамса мы обнаруживаем сочетание элементов как монологической, так и диалогической речи.

Подобная форма, как отмечают исследователи жанра, более характерна для частных писем [Акишина 1978: 25].

Письмо в литературном тексте позволяет раскрыть внутренний мир его автора, героя произведения, обнажить его чувства и переживания. Если при реальном общении могут сыграть значимость такие факторы как волнение, стеснение, неуверенность в себе и боязнь, что неправильно поймут, то в письме человек может более свободно выразить свои мысли и чувства. Стоит принять во внимание и то, что эпистолярная форма дает больше возможностей заранее продумать текст, вспомнить и систематизировать наиболее важные детали, несколько раз переписать его, доводя до нужного адресанту результата. Именно в письме капитана Брамса мы можем увидеть, как реализуются эти возможности эпистолярного жанра. Помимо этого данное письмо выполняет функцию документа.

Не изображая самого капитана, А. Грин с помощью письма вводит в рассказ свидетеля и возможного виновника произошедшего на острове, тем самым придавая убедительность фактам, изложенным в конце рассказа в формате стенографической записи Скорреем, которому врачи вернули рассудок. Так, письма становятся существенными элементами сюжета, служащими важным характерологическим средством [Головко 1992: 110].

Говоря о композиционной структуре письма капитана Брамса, стоит отметить отсутствие зачина в формате обращения или приветствия, как и в письме жителей Фарфонта. Но если письмо островитян открывалось представлением людей и закрывалось их подписями, имеющими обрамляющий характер, то письмо капитана Брамса лишено зачина вовсе.

Любопытным является тот факт, что А. Грин, прославившийся предельной точностью в своих рассказах и постоянными ссылками на числа и координаты, не указал в заглавии писем «Отравленного острова» ни одной даты. Ежедневный перечень приведен в хронике судового журнала «Виолы», где описывается, что произошло с кораблем до того, как якорь был брошен у острова Фарфонт. Однако судовой журнал мы не можем отнести к эпистолярному жанру, так как в тексте отсутствуют другие признаки письма. В разбираемых же нами текстах ссылки на дату написания нет, несмотря на то, что в письме капитана Брамса упоминаются нескольких дат, однако они носят исключительно ретроспективный характер.

Стилистической особенностью письма Брамса является его спокойный и деловой тон, который после знакомства читателя с предшествующим описанием трагических событий на острове вызывает у читателя недоумение. Предложения – осложненные и распространенные, язык стилизован под художественный стиль, а не разговорный. Так, часто встречаются книжная лексика («сугубо орошенный»), эпитеты («бархатные груди», «золотая завеса»). Однако нет ни обращений, ни риторических вопросов и восклицаний, ни разговорной лексики, свойственной эпистолярному жанру.

Следует отметить, что, в соответствии с нормативными требованиями жанра письма, в нем четко выделяются смысловые отрезки, начинающиеся с красной строки. Информативная часть сжата, но содержательно насыщена, информация логично распределена по абзацам. Однако в письме есть несколько лирических отступлений о природе, никак не соотносящихся с целью автора оказать помощь следствию. Впрочем, если рассматривать данные лирические отступления как эмоциональную оценку героем гармоничной жизни островитян, их эстетическая функция заключается не столько в создании картины островного мира, сколько в том, чтобы стать выразить характер субъективного мировоззрения героя, которым он захотел поделиться с адресатом. Подобная оценка увиденного капитаном Брамсом на острове присутствует и в других частях письма. Например, с помощью фраз: «Понятно, с каким утомительным вниманием и волнением встретили нас», «Жених в довольно удачно скроенной одежде», «Очень прост и величественен был свадебный наряд» [Грин 1980: 369-370].

Некоторые абзацы начинаются с резкой смены интонации при помощи вводных слов и конструкций, также характерных для эпистолярного жанра. Рассказчик апеллирует к своему собеседнику с желанием объяснить произошедшее на острове: «Действительно, они были

потрясены...», «Сознаюсь, что...», «Считаюсь нужным добавить...» [Грин 1980: 369-370] и др.

Таким образом, анализ писем жителей Фарфонта и капитана Брамса позволяет сделать вывод о том, что их включение в рассказ создает стереоскопический эффект, дающий возможность увидеть и оценить то, о чем повествуется, с разных точек зрения, помогающий глубже раскрыть характеры героев, вовлечь читателя в сам ход сюжетного развития, чтобы лучше понять позицию автора, избегающего их прямой оценки.

Истинные причины массового самоубийства раскрываются в финале произведения, который имеет форму стенографической записи рассказа Скоррея в психлечебнице. Хотя она не может быть квалифицирована как письмо, но по сути своей представляет послание к человечеству о самоубийственности мировой войны.

А. Грин стремится, используя поэтику эпистолярного жанра, создать объективную художественную картину действительности, благодаря которой читатель сможет постичь идейный смысл произведения и ощутить степень его эмоционального воздействия.

Литература

Акишина А. А., Формановская И. И. Русский речевой этикет / А. А. Акишина. М. : Знание, 1978. 182 с.

Головкин В. М. Повесть как жанр эпической прозы. – Саратов, 1992. 190 с.

Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6 / А. С. Грин. – М. : Издательство «Правда», 1980. 494 с.

Протопопова О. В. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М. Н. Кожин. – М. : «Флинта», «Наука», 2003. 112 с.

Storozhakova A. S. The role of the epistolary genre in A. S. Green's «Poisoned Island»

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the epistolary genre based on the material of A. S. Green's story «The Poisoned Island». The narrative form of the work is based on letters-evidence of what happened. The appeal to a certain genre is due to the author's desire to tell about the most vivid experiences of the characters, to reveal their characters more deeply, as well as to characterize the author's position, translating it into subtext. Scientific novelty is expressed in the characterization of the functions of the epistolary genre and the compositional role of letters as the core of the formation of the plot of the work of A. S. Green.

Keywords: A. S. Green, «The Poisoned Island», epistolary genre, letters, literature.

Е. Д. Кислицына

(научн. руководитель А. М. Меньщикова)

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Эпистолярная составляющая Записных книжек Анны Ахматовой

Аннотация. В статье затронуты проблемы, связанные с изучением и сохранностью эпистолярного наследия Анны Ахматовой, обосновывается важность включения Записных книжек в процесс изучения писем поэта, представлена попытка их классификации с учетом творческих установок поэта.

Ключевые слова: Анна Ахматова, Записные книжки, эпистолярный, письма.